

Он впустил её, и они присели за свои привычные места за обеденным столом. Она могла сказать, что он заметил, что она говорит и ведёт себя как-то по-другому, но не стала никак это комментировать. После тридцати минут ужасно бессвязных объяснений, Наруто снова спросил: «Нэ, нэ, Куренай-сенсей, не могли бы вы просто показать мне, как это выглядит, чтобы я знал, что она почувствует себя хорошо? Ты же говорила, что девушкам труднее, так ведь? Так и как я должен узнать, если ты не показываешь мне!»

«Ууузумаки...» – пробормотала она.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, только один раз» – умолял он, сложив руки в молитвенной манере. «Только один раз, и я знаю, что пойму это лучше, если ты сделаешь это! Пожалуйста!»

«Я оооочень стараюсь ... для своей д-деревни, своих ууучеников ...» – мрачно ответила она, оставаясь безучастной и удручённой образами Асумы и его прекрасной принцессы, которые прокручивались у неё в голове, когда она мысленно добавила: “Зачем?”

«Я твой ученик» – умолял Наруто, внезапно оказавшийся рядом с ней, пробиваясь через туман её тревог. «Ради тебя я буду очень стараться!»

“Юхи-сан” – отголоском прозвучало в её сознании.

“Зачем?” – повторял её разум уставшим и поверженным голосом. “Зачем заморачиваться” – мысленно поддалась она. Куренай медленно поднялась и заплетающейся походкой побрела в сторону его спальни, возбуждая его до бесконечности. Опустив то, как радостно и нетерпеливо он последовал за ней в свою, к счастью, чистую спальню, она приказала блондину: «Выключи свет. Оставь дверь открытой.»

Медленно направляясь к выключателю, он прокомментировал: «Я ничего не увижу, если выключу свет.»

Её пальцы возились с пуговицей на её белых шортах, когда она ответила: «Вот почему я сказала оставить дверь открытой. Света из прихожей будет достаточно» – она предпочла бы убрать из его поля зрения как можно больше. Хотя абсурдность этого необдуманного решения не зашла в неё также, как это сделало саке, и поэтому она всё ещё чувствовала некоторое смущение от того, что кто-то увидит её ухоженную нижнюю область.

У неё не было никого больше года, и, судя по ледяному плечу Асумы, похоже, что в обозримом будущем её кровать останется без любви. Лёжа с края кровати Узумаки и освобождая ноги из своих шорт, она едва не нырнула вперёд, из-за потери равновесия. Когда до неё дошло, что Узумаки стоит на коленях в нескольких сантиметрах от её колен, Куренай с лёгкостью заметила, что его дыхание участилось, а глаза предельно сфокусировались.

«Узумаки-кун, дееевочки могут легко занервничать, если мальчик будет слишком сильно

глаазеть» – пробормотала она, снимая своё кружевное бельё чёрного цвета, когда её стройные длинные ноги остались закрытыми.

«Но мне хочется посмотреть» – заскулил Наруто. После Ино-тян прошло так много времени, поэтому он отметил для себя, что ему невероятно трудно контролировать своё возбуждение. «Раз уж ты меня тренируешь, то всё в порядке, так ведь?»

«Тренировка ...» – медленно повторила она. «... Я ...» – постоянно видя в своей голове образ принцессы и сына Хокаге, идущих вместе, когда её аргументы, её заботы, рациональность её мышления, её трезвость, её равнодушные чувства, всё это погрузилось в тишину и исчезло. В этой странной ситуации ничто не имело значения. Ничто. «... Не важно.»

Куренай раздвинула ноги и позволила Узумаки полностью рассмотреть своё влагище. «Это моя киска» – грубо выразилась она.

«Выглядит намного лучше, чем на фотографиях» – ответил Наруто, пододвигаясь всё ближе и ближе к области между её ног, чтобы как можно лучше запечатлеть её красивую розовую щель и чистую белую кожу.

Куренай едва замечала излучаемое им тепло, однако определённо чувствовала его дыхание на своей коже. Несмотря на то, что она предстала крупным планом перед несовершеннолетней аудиторией, Куренай начала трогать себя; воспользовавшись средним и указательным пальцем, чтобы окружить створки своей киски. «Я начинаю стимулировать губы моей киски, или половые губы» – объясняла она ему что делает и зачем. Дальше она пояснила: «Это не должно быть чрезмерной стимуляцией клитора» – однако, чем дольше она продолжала играть с собой, тем больше ускользала от неё её рассудительность.

Её соки стекали вниз к нижней части её раздвинутых ног, и Куренай откинулась обратно на кровать, закрыв глаза, когда одна из её рук находила столь необходимую разрядку, в то же время другая её рука устремилась к её ноющему бюсту, начав массировать твёрдые бугорки сосков и пышные груди. Она оттягивала и крутила свой каменный сосок через свой топ, издавая стоны: «Мннн, Ааххнн, ммн, дааа» – лёжа на спине и находясь в темноте Куренай забыла о многом: об Асуме, о принцессе, о своём покойном отце, о своей дорогой подопечной и о своей команде Генинов, но что важнее, она забыла об Узумаки.

«Мнннн, дааааа, сейчас, уже скоро, хаахнн, ххннн я ... ММММННН.»

Наруто находился в нескольких сантиметрах от её влажных, копошащихся пальцев, когда Куренай издала громкий стон, погрузив два пальца в своё влагище, в то же время её большой палец начал массировать её эрегированный клитор. Её таз бешено дергался, когда она кончала, поскольку концентрированное удовольствие обрушилось на её дрожащее тело, наполняя её блаженством, изгоняющим из неё стресс, одновременно с этим тёмная комната заполнялась её скулением и стонами. Пребывая в своём блаженном неведении Куренай никак не ожидала, что Узумаки подастся головой вперёд, отправив свой язык в атаку, когда его рот накрыл её дёргающуюся пизду, и стал жадно вылизывать и заглатывать как можно больше её

соков удовольствия.

«ААХХНН!»

Его неожиданно заставший её врасплох грубый язык послужил шокирующим напоминанием о том, что она здесь не одна, но в своём опьянённом, переполненном наслаждением уме она не сильно озаботилась объяснением присутствия неугомонного языка в её ноющей пизде. Она просто увидела тёмный потолок и почувствовала, как её охватывает блаженство. Размышление о том, “кто”, просто не имело никакого значения для Куренай, когда копошащийся мускулистый орган поглощал исторгаемую ей эссенцию, врезаясь в её клитор, скобля его самым восхитительным образом, в то же время единственной её мыслью было то, как сильно она соскучилась по этому чувству.

Он пожирал каждую каплю её нектара, словно человек, жажда которого простиралась на несколько дней, после необычайно долгой засухи. Она схватила его за белокурую шёлковую гриву и прижала его к своей мокрой промежности, крича: «Глубже!»

Внезапно, неугомонные пальцы начали прощупывать её пульсирующую, розовую щёлочку наслаждения, когда влажный и горячий рот впился в её причудливую кнопку, посасывая и толкая её клитор, поддаваясь ликованию. Наруто не мог поверить, что её влажная киска окажется такой горячей, что она будет сжиматься и дрожать так сильно. Её влагище было как лучшая перчатка на свете, и ему всё больше и больше хотелось засовывать в неё.

Обучение с собственным телом всегда было лучшим способом для Наруто, чтобы стать лучше. Хотя он и был невероятно возбуждён, он слушал её стоны и мяуканья, чувствовал, как она дрожит или становится туже, пытаясь определить, какие места заставляют её стонать громче. Он не был уверен в том, что делает, и хорошо ли он это делает, но ему нравилось это.

Почувствовав, что она близка к тому, чтобы разразиться ещё одним интенсивным оргазмом, она вцепилась руками в его волосы, и использовала его лицо, чтобы прокатиться по своим пульсирующим половым губам для более плотного контакта. Жар его лица лишь дополняет то, как его язык игрался с её сверхчувствительным бугорком, когда его тёплые пальцы входили и выходили из её влажного любовного туннеля.

Она потеряла счёт времени, забыла о месте, в котором находится, о своей личности, поскольку мощный кусок плоти продолжал извиваться в углублении внизу её живота, атакуя её каждый раз с одинаковой преданностью. Язык, пальцы, сосание, жар от всего этого возбуждал её и вызывал головокружение. Наруто нашёл её женственное тело удивительным, оно было как третья порция рамена, которой никогда не бывает достаточно. Она была тугой, тёплой, влажной, и её постоянно нарастающие стоны и мяуканья были лучшими звуками, которые он когда-либо слышал.

«Я, Я, мммммннн, твой язык, да, ахн, ахн, даааа» – её голос ласкал его уши. «Я уже, почти, пососи меня хорошенько ... ММн, да! Соси меня!»

Через несколько мгновений после осознания того, как близка она была к забвению, грандиозный влажный запас накопленного удовольствия разразился с ударной силой выстрела из пушки, посылая одну за одной чудовищные волны пробегать через всё её тело. Её выгнутая спина дёргалась вверх и вниз, когда потные чёрные локоны отбрасывались назад и хлестали по её изумительно стонущей голове. Пальцы её ног изогнулись, и каждый мускул в её теле непрерывно дёргался в восхитительном безумии; даже её веки начало покалывать от момента взрывного удовольствия. Она прижала неугомонного Узумаки к своей промежности, когда он вылизывал и высасывал все жидкости, вытекавшие из неё, сжимая её вращающиеся бёдра, чтобы удерживать её в как можно более устойчивом положении.

Внезапно её ноги обмякли и упали к краю его кровати, её тело абсолютно расслабилось, поскольку единственное что она могла ощущать это постоянное удовольствие от её продолжительного оргазма. В ликующей эйфории она держала свои глаза закрытыми, чтобы насладиться приятным кайфом, распространяющимся вверх и вниз по её подтянутому телу. Судя по натяжению в области таза, Куренай не могла понять, каким образом её ноги раздвинулись шире, также она не могла знать, насколько манящим зрелищем была её сочащаяся дыра наслаждения для блондина с повышенным влечением и его толстым членом. Схватившись за бёдра, она почувствовала лишь головку, упёршуюся в её отверстие за мгновение до того, как Наруто засадил ей своим толстым мужским достоинством по самое основание, заработав кряхтящий стон от Куренай.

Подобно этой комнате, её сознание было таким же тёмным и смутным, наполненное животным наслаждением, когда два потных тела начали тереться друг о друга. Куренай не нужно было сохранять лицо или рациональность мышления; ей нужно было просто забыться и хорошенько потрахаться, Наруто же был слишком исполнен желанием наслаждаться влажной топкой, сжимающего его естества Куренай. Чувствуя, как её покачивающиеся стенки в страстном желании сжимают и заглатывают его, слыша её стоны, наблюдая за её руками, гладящими твёрдые как камень соски, с её бёдрами, обившимися вокруг его талии, со всем этим уровнем его возбуждения превысил все мыслимые и немыслимые высоты. Он продержался недолго, но и не сбавил оборотов. Наруто не переставал врываться в её мягкие створки, даже когда эякулировал в её переполненные глубины. Он жаждал её прелестей, так же сильно, как и своего рамена, и, как и в случае с его любимой едой, одной порции для него было недостаточно.

Наруто загонял свой бушующий член в её дрожащую киску на протяжении долгого времени, но и этого ему казалось недостаточно. Они одновременно стонали с каждым его энергичным толчком, приближаясь всё ближе и ближе к умопомрачительному окончанию. Запах плоти, стоны экстаза наполняли комнату также мощно, как и скрип старой кровати Наруто.

Он снова вывел себя на вершину, а следом за ним к нему присоединилась Куренай, когда они оба вращали своими бёдрами друг напротив друга и сильно вибрировали от того что кончали, и это был первый раз, когда его таз устроил себе перерыв и не толкался внутрь. Тем не менее, это лишь дало ему возможность пососать и помять идеальные груди Куренай третьего размера, когда он ещё больше увеличивал её удовольствие за счет непрерывных микрооргазмов, в то же время его ствол расширился у основания, чтобы заткнуть её нафаршированную пизду. Куренай не знала, что это за дополнительное натяжение, однако это доставляло ей плотные пульсации во многие места одновременно, и её разум перестал выдерживать. Немного испуганная, Куренай просто вцепилась в жёсткое тело, что было сверху неё, наслаждаясь величиной

переполняющего её блаженства.

Его энергия, его страсть, его восторг опьяняли, и Куренай отдалась этому мгновению; всему, что её разум счёл бы значимым, содержательным, достойным. Всё, что имело значение, это восторженный экстаз. В пределах этого, было не важно, стонет ли она, умоляет ли или кричит, что хочет большего. Не имело значения, стояла ли она на четвереньках, когда он имел её сзади, шлёпая по заднице, чтобы добиться большего, или что она заставила его лечь на спину, когда скакала на его толстом кожаном шесте. Не имело значения, что он наполнял её лоно своим мужским семенем, опутав её узами безумных оргазмов, или что ей хотелось ещё. Единственное, что имело значение — это буйный экстаз, который вырвал её из всех её обязательств и последующих тягот. Всё, что имело значение, было раем члена и ошеломляющих, сотрясающих тело оргазмов.

Комната наполнилась смрадом секса и флюидами, поскольку они неоднократно гнались за своими космическими оргазмами, часто достигая этого блаженства одновременно. Хотя в ранние утренние часы, оргазмы Куренай вспыхивали попросту непрерывно: один за другим, пока она не потеряла сознание.

<http://erolate.com/book/1099/27695>